

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Эрик ЭРИКСОН

ТРАГЕДИЯ ЛИЧНОСТИ

Современный человек болезненно реагирует на любое «посягательство» на его личное пространство. Зацикленность на собственном благополучии и безопасности не дает возможность человеку раскрыть свои творческие способности, не позволяет ему вполне реализоваться как профессионалу.

В результате жизнь кажется ему напрасной тратой сил и чередой упущенных возможностей...

Философский бестселлер (Алгоритм)

Эрик Эриксон

Трагедия личности

«Алгоритм»

УДК 13
ББК 87

Эриксон Э.

Трагедия личности / Э. Эриксон — «Алгоритм»,
— (Философский бестселлер (Алгоритм))

ISBN 978-5-699-29967-6

По мнению Эрика Эриксона, современный человек болезненно реагирует на любое «посягательство» на его личное пространство; заикленность на собственном благополучии и безопасности не дает возможность человеку раскрыть свои творческие способности, не позволяет ему вполне реализоваться как профессионалу. Зачастую человек еще больше усиливает эту свою неспособность, ложно принимая ее за проявление индивидуальности и исключительности. Отсюда возникает конфликт между принятием «себя» и ощущением напрасности, бессмысленности прожитой жизни. В результате, жизнь кажется ему напрасной тратой сил и чередой упущенных возможностей, у него возникает чувство отчаяния...

УДК 13
ББК 87

ISBN 978-5-699-29967-6

© Эриксон Э.
© Алгоритм

Содержание

Предисловие	6
Часть 1	9
Возрастные кризисы развития личности. Оральный садизм.	9
Самоубийственное провоцирование	
Желание быть «самим собой». Проблема «анальности».	15
Чувства стыда и неуверенности в себе	
Инфантильная «генитальность». Ревность и соперничество.	20
Моральность как синоним мстительности и давления на других	
Чувство неполноценности. Опасность «неверной идентичности»	24
Проблематика юности. субкультура ценностей. Коллективная истерия как юношеский пережиток	27
Кризис интимности. Готовность к отрицанию и изоляции. любовный поединок	30
Дополнение к первой части	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Эрик Эриксон

Трагедия личности

© Е.Другач, М.Хорьков, Л.Бессонова, перевод, 2008

© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

* * *

Предисловие

Американский психоаналитик Эрик Эриксон (1902–1994) – признанный лидер во многих областях психологического и философского знания. Как и многие другие последователи Фрейда, Эриксон был неудовлетворен тем, что основатель психоанализа рассматривал сознание как феномен, который испытывает диктат со стороны бессознательного и императивов культуры. Как можно говорить о трезвом и разумном поведении личности, если оно во многом обуславливается детскими страхами, вожделениями и инстинктивными импульсами, а кроме того находится под мощным воздействием социальных и родительских предрассудков. Где же, собственно, зона индивидуального и ответственного сознания?

Эриксон вводит понятие «феномена идентичности». Американский психоаналитик раскрывал идентичность в целом как процесс организации жизненного опыта в индивидуальное «Я». Он оценивал идентичность как сложное личностное образование, которое имеет многоуровневую структуру. Мир человеческий – это единая осмысленность, в основе которой лежит постоянная, трудно насыщаемая потребность человека проникнуть в собственное личностное ядро, осознать себя как индивидуальное, неповторимое существо. Человек стремится познать самого себя. Все его попытки найти в себе специфически человеческое свойство или дать автохарактеристику отражают, в конечном счете, действие механизма идентичности. Но это чувство – весьма редкий феномен. Оно – удел избранных. Пожалуй, лишь чисто теоретически можно представить себе такую личность, которая проникла в ядро собственной субъективности, постигла себя, создала внутренне устойчивый образ своей индивидуальности.

Индивид, заброшенный в мир таинственных вещей и явлений, просто не в состоянии самостоятельно осознать назначение и смысл окружающего бытия. Он нуждается в системе ориентации, которая дала бы ему возможность отождествить себя с неким признанным образцом. Вот почему огромную роль в культурологии играет проблема культурной идентичности.

В основе многих эмоциональных состояний, какими являются, например, любовь, нежность, сострадание, сочувствие, ответственность, лежит нечто такое, что неизменно предполагает взгляд не только на самого себя, но и на других. Ведь эти чувства по самому своему определению «открыты», «направлены» на иной объект. Следовательно, глубинная потребность человека состоит в том, чтобы постоянно видеть перед собой какие-то персонифицированные образцы.

Разумеется, человек, прежде всего, ищет их в ближайшем окружении. Но оно так знакомо и подчас однообразно. Иное дело – экран. Здесь творится необычный, иногда эксцентричный образ, в котором зримо воплощаются мои собственные представления о естественности, нежности, глубине чувства. Обратимся, например, к образу купринской колдуньи, созданному киноактрисой Мариной Влади (1955). Скуластая, с прозрачными глазами, она пронзила сердца миллионов людей. Образ так убедительно символизировал возвращение к естественности: вот она, босоногая, с распущенными по плечам белокурыми прядями, настоящее дитя природы...

Гораздо чаще человек – существо мятущееся, постоянно меняющее собственные представления о самом себе. Индивид живет в мире напряженных и противоречивых мотивов, стремлений и ожиданий. Ему постоянно нужна опора. Он все время пытается соотносить свое поведение с персонифицированным образом. Девочки играют в дочки-матери – это непреходящий, постоянно воспроизводимый ритуал игры. Идеал многих юношей персонифицировался в Джоне Ленноне – пусть зыбкая, но мода. Государственный чиновник стремится уподобиться вышестоящему. Кавалькады рокеров... Неформалы со своей эмблемати-

кой... Люди пытаются выразить себя опосредованно, через систему ритуалов, стереотипов, готовых образцов.

* * *

Эриксон проводит различие между понятиями «идентичность» и «идентификация». Лингвистически, как и психологически, идентичность и идентификация имеют общий корень. Идентификация – это психологический механизм, а идентичность – результат процесса уподобления. Американский психолог показывает, что ограниченность механизма идентификации становится очевидной сразу же, как только мы предполагаем, что никакие детские идентификации, поставленные в ряд, не могут вылиться в нормально функционирующую личность. Психология полагает, что задачей психотерапии является замещение болезненных и чрезмерных идентификаций другими более желательными. Но как и любое лекарство, «более желательные» идентификации должны быть полностью подчинены новому единому гештальту, который есть нечто большее, нежели просто сумма его частей.

Дело в том, что идентификация как механизм имеет определенные ограничения. На разных стадиях развития дети идентифицируют себя с теми аспектами окружающих людей, которые производят на них наибольшее впечатление, в реальности или в воображении – не имеет большого значения. Их идентификация с родителями, например, сосредоточена на определенных переоцениваемых и болезненно воспринимаемых частях тела, способностях и внешних атрибутах роли. Более того, эти аспекты привлекательны не столько своей социальной значимостью, сколько тем, что отвечает природе детской фантазии, и этим открывают путь к более реалистическому самоутверждению.

В старшем возрасте ребенок сталкивается с понятной ему иерархией ролей; на протяжении детства это составляет круг его представлений о том, кем он может стать, когда вырастет, и уже очень маленькие дети способны к идентификации с целым рядом людей и отношений, которые затем требуют «верификации» в дальнейшей жизни. Вот почему культурные и исторические перемены могут оказать такое травмирующее влияние на формирование идентичности: они могут разрушить внутреннюю иерархию ожиданий ребенка.

В современном мире происходит процесс распада идентичности. Чем же обусловлен данный процесс? Ловушкой оказывается открытость индивида по отношению к другому. Но ведь именно через других реализуется механизм идентичности. Однако индивида, который пытается выстроить коммуникацию, ждет разочарование. Там, где он рассчитывал отыскать некое человеческое содержание, оказывается пустота. Субъекта нет, а есть только социальные роли. Социальное замещает индивидуальное. Там, где человек рассчитывал обрести подтверждение своей самостождественности, он наталкивается на безличные социальные позиции.

Идентификации подменяется процессом позиционирования, Безличное тиражируется и даже клонируется, как подметил Ж. Бодрийяр. Там, где индивид рассчитывал на встречу с субъектом, обнаруживается просто социальный статус, некое место. Оказывается, человек выступает под неким псевдонимом, что гарантирует ему после смерти получить эмблему. Противостояние индивида и социума рождает не глубинный поиск тождественности, а «коллаж идентификаций». На социальном поле вместо личности обнаруживается всего лишь знак текста, пустое имя, «0».

* * *

Эриксон вводит еще одно значимое понятие – «психологический мораторий», под которым подразумевается отсрочка, предоставленная кому-либо, кто не готов принять ответ-

ственность. Под психосоциальным мораторием Эриксон понимает запаздывание в принятии на взрослых обязанностей. Каждое общество и каждая культура устанавливает определенный мораторий для своих молодых граждан. Для большинства из них эти моратории совпадают с периодом учения и тех достижений данного периода этапа жизни, которые соответствуют ценностям общества.

Мораторий может стать периодом краж и видений, временем путешествий или работы, временем потерянной «юности» или академической жизни, временем самопожертвования или веселых шуток. Большую часть юношеской преступности Эриксон рассматривает как попытку создания психосоциального моратория.

Но мораторий не требует того, чтобы быть пережитым сознательно. С другой стороны, молодой человек может ощущать себя вполне состоявшимся и только со временем узнать, что то, к чему он относился так серьезно, было всего лишь переходным периодом. Многие «выздоровевшие» молодые люди, возможно, чувствуют полное отчуждение от «глупости», через которую они когда-то прошли.

Между тем ясно, что любые экспериментирования с идентичностью означают также игру с внутренним огнем эмоций и побуждений и содержат в себе риск попасть в социальную яму, из которой нет выхода. Бывает и так, что мораторий отсутствует: индивид слишком рано определился или его достижениям способствовали какие-то обстоятельства.

* * *

Следует отметить, что почти все психологи, обратившиеся к анализу феномена личности, отмечают сложность этого понятия, многообразие трактовок, относящихся к данной проблеме. «Ни одно понятие не отличается такой многозначностью, не допускает столь разнообразного употребления, как понятие личности», – говорил Ясперс. Можно согласиться с тем, что сколько существует теорий личности, столько имеется и ее определений.

Сложность проблемы во многом обусловлено тем, что с данным понятием связано много и других важнейших психологических терминов, в том числе «человек», индивид», «индивидуальность», «характер», «тип», «темперамент», «способности».

Рассуждая о личности, мы невольно мобилизуем весь корпус психологических знаний. Личность – универсальное понятие духовного человека. Вот почему психология личности как теоретический раздел способна охватить разные стороны всеобъемлющих представлений о человеческой психике. И в этом плане вполне закономерно, что глубокие, опирающиеся на практические наблюдения идеи Эриксона получили широкое признание и разработку в современной философии и психологии.

Павел Гуревич, доктор философских наук, доктор филологических наук

Часть 1

Драма развития

(фрагменты из книги «Жизненный цикл»)

Возрастные кризисы развития личности. Оральный садизм. Самоубийственное провоцирование

Как только ребенок покидает привычную среду обитания в организме у матери – его врожденный – и более или менее скоординированный сосущий инстинкт – встречает более или менее скоординированную готовность матери кормить его и ухаживать за ним. С этой точки зрения новорожденный любит и живет ртом. Рот для него – это фокус первого столкновения с жизнью. В психоанализе эту стадию обычно относят к оральной стадии развития.

Тем не менее очевидно, что в дополнение к преобладающему желанию поесть, у новорожденного уже существует (или появится очень скоро) чувствительность и несколько другого рода. Как только он захочет и сможет сосать все подходящие предметы, а затем и пить из них (имеется в виду бутылочка с соской. – *Прим. переводчика*), так вскоре он захочет и сможет следить глазами за всем, что попадает в поле его зрения. Его чувства «принимают» все, что приятно. В этом смысле можно говорить о «регистрирующей» стадии, на которой младенец восприимчив ко всему, что ему предлагают.

При этом новорожденные чувствительны и ранимы. Первый жизненный опыт должен не только поддерживать силы, он должен помогать ребенку координировать работу органов чувств, их «дыхание», «метаболизм» и «циркуляцию». Ответственны же за это только мы: родители и воспитатели. Мы обязаны следить за должным сенсорным стимулированием точно так же, как следим за режимом питания – иначе готовность к восприятию перейдет в диффузную оборону или даже в летаргию.

Теперь, когда мы выяснили, что обязательно делать для того, чтобы обеспечить ребенку безопасное существование (минимум необходимого внимания) и что делать запрещено, если мы не хотим травмировать ребенка и сделать его хронически несчастным (максимум ранней толерантной фрустрации) – встает вопрос о том, а что же желательно делать для правильного развития ребенка. Ответ на этот вопрос варьирует в широких пределах, и различные культуры активно пользуются своим исключительным правом решать, что обязательно, а что желательно. Некоторые считают, что во избежание неприятностей (скажем, чтобы не выцарапать себе глаза) ребенок до года должен быть туго спеленут – при этом его баюкают и кормят, едва он закричит. Другие же придерживаются того мнения, что ребенок должен свободно дрыгать ножками – и чем раньше, тем лучше – но при этом беднягу заставляют кричать до посинения, прежде чем соизволят его покормить. Все это более или менее сознательно, видимо, определяется тем, какие глобальные цели преследует данная культура.

Я слышал, как горько сокрушались старые индейцы, когда мы разрешали нашим малышам покричать, ведь считалось, что это «укрепляет легкие». «Нет ничего удивительного, что после такого тяжелого испытания белый человек столь жаждет попасть на небеса», – вздыхали они. Но те же самые индейца с гордостью рассказывали, как их дети (которых кормят грудью даже после года) получали кулаками по голове, если нечаянно прикусывали сосок; эти «добряки», в свою очередь, верили, что такое наказание «сделает из детей добрых охотников».

В кажущейся произвольности взглядов на воспитание есть немало житейской мудрости, неосознанного планирования, и очень много суеверия. В представлениях о том, что же полезно для ребенка, что было бы желательным для него сделать – есть своеобразная инстинктивная логика, зависящая от того, где, когда и кем этот ребенок станет, то есть зависящая от ориентации данного общества.

Во всяком случае, уже в самом начале жизненного пути новорожденный сталкивается с самыми принципиальными культурными модальностями. Самой ранней и самой простой является «получение», причем не в смысле «иди и возьми», а в смысле получения и восприятия того, что предлагается. Все выглядит так просто, что лишь неисправность механизма «получения» открывает нам глаза на реальную сложность процесса. Нестабильный и лишь «нащупывающий дорогу» младенческий организм учится этой модальности по мере того, как он, в зависимости от действий матери, регулирует свою готовность к «получению». Когда мать развивает и координирует способы «давания», тем самым она дает ребенку возможность совершенствовать средства «получения». Таким образом, получая «даваемое», обучаясь тому, как «заполучить» нужного в данный момент человека, новорожденный незаметно учится давать. Это ему необходимо для того чтобы отождествить себя с матерью и, в конечном итоге, превратиться из «получателя» в «давателя».

У некоторых излишне «чувствительных» индивидов, или у тех, чья ранняя фрустрация так и не была скомпенсирована, слабость первоначальной взаимной регуляции может явиться причиной нарушения нормального отношения к миру в целом, а к близким людям – в особенности.

* * *

Безусловно, поддерживать взаимность в системе мать – ребенок, можно не только на уровне оральных рецепторов. Ребенку нравится, когда ему тепло, когда его держат на руках, когда ему улыбаются, с ним беседуют, укачивают и т. п. Кроме такой «горизонтальной» компенсации (в пределах одной стадии развития) существуют «вертикальные» компенсации, возникающие на следующих этапах жизненного цикла.

В течение «второй оральной» стадии созревает более активная и более направленная форма способности ставить цели и получать затем удовольствие. Режутся первые зубы, а вместе с ними возникают приятные ощущения при откусывании и покусывании твердых предметов. Такой же активно-регистрирующий способ действия характерен и для многих других проявлений. Глаза, сначала пассивно воспринимающие все, что попадает в поле зрения, теперь могут фокусироваться на объекте, как бы «выхватывая» его из окружающего фона, и следить за ним. Подобно этому органы слуха учатся различать важнейшие звуки, локализовать их и реагировать на них, управляя изменением положения тела (например, поднимать голову или верхнюю часть туловища). Ребенок тянет ручки точно в нужном направлении, а ладонки цепко хватают необходимое. Первое появление различных специфических способностей достаточно хорошо описано в литературе, посвященной детскому развитию. Нас же больше интересует структура глобального взаимодействия с окружающим миром, изменяющегося в течение жизненного цикла. Стадию же можно рассматривать как с позиции первого появления (или первого проявления) данной способности, так и с точки зрения устойчивой интеграции некоторых психических компонент, дающих «зеленую улицу» следующему этапу развития.

На второй стадии происходит становление интерперсональных паттернов (межличностных образцов) поведения, которые содержатся в таких социальных модальностях, как «взять» и «держать». Эти модальности относятся к миру вещей, которые, хотя и преподносятся ребенку более или менее свободно, тем не менее, имеют тенденцию постоянно усколь-

зять от него. По мере того, как ребенок учится переворачиваться, приподниматься, а затем – очень постепенно переходить в «сидячее» положение, он постоянно совершенствует механизмы хватания, держания и жевания всего, что попадает в поле его досягаемости.

Кризис второй оральной стадии с трудом поддается установлению и оценке. Складывается впечатление, что в этот момент перекрещиваются три линии развития: 1) возрастание тенденции к более активной регистрации, присвоению и наблюдению; усиление внутреннего напряжения, связанного с «прорезыванием» зубов и с другими изменениями оральной механики; 2) рост осознания себя как личности; 3) постепенное отдаление матери и возвращение ее к делам, заброшенным в период беременности и кормления. Последнее, кстати, включает в себя возобновление супружеских отношений, а стало быть, и вероятность новой беременности.

При наступлении стадии «кусания» (а вообще говоря, грудное вскармливание почти всегда этим заканчивается), ребенку приходится учиться сосать, не кусаясь – так, чтобы мать не отдергивала бы сосок в боли и ярости. Наши клинические наблюдения убедительно показывают, что эта стадия формирует некоторое чувство изначальной утраты, оставляя на всю дальнейшую жизнь горький привкус «отлучения от матери». Тем не менее, «отнятие от груди» не означает внезапную потерю всего дорогого для ребенка: и груди, которая его кормит, и мамы, которая его любит (если, конечно, не найдется женщины, которая будет любить его так же сильно). Если ребенка слишком резко лишит привычной материнской опеки, не найдя ему соответствующей замены, то (при наличии других «отягчающих» обстоятельств) это может привести к острой инфантильной депрессии¹, или – не в такой сильной форме – к хронической «мрачности», придающей депрессивный оттенок всей последующей жизни.

Но при наличии более благоприятного фона эта стадия рождает чувство разделенности и смутную – зато универсальную – ностальгию по потерянному раю.

Именно для того, чтобы противостоять ощущениям «отлучения», «разделения» и «заброшенности» – всех тех впечатлений, которые оставляют в душе след изначального недоверия – и необходимо чувство изначального доверия, неустанно воссоздающее и поддерживающее само себя.

* * *

В литературе по психиатрии можно найти ссылки на так называемый «оральный характер» личности, в котором особенно ярко проявляются неразрешенные конфликты этой стадии. Если оральный пессимизм становится доминирующим (и исключительным), то такие инфантильные страхи, как боязнь остаться ненакормленным или покинутым, вполне могут перейти в депрессивные формы страха пустоты и бесполезности. Эти страхи, в свою очередь, могут придать оральности те специфические черты ненасытности, которые в психоанализе называются оральным садизмом.

Оральный садизм – это такое состояние, в котором человек испытывает острое желание получать (и брать), причиняя боль (вред) и себе, и другим. Но встречаются также случаи орального оптимизма, когда человек все же находит пути для того, чтобы получать и давать самое необходимое в жизни. Ну, и в конце концов, существует «нормальная оральность» как субстрат любой индивидуальности, как отголосок первого жизненного периода сильной зависимости. Как правило, такая «норма» выражается во всех наших зависимостях и ностальгиях, в нашей страсти к «обнадеживанию» или к безнадежности. Интеграция результатов оральной стадии с итогами более поздних этапов развития формирует юношескую комбинацию веры и реализма.

¹ R. A. Spits. Hospitalism. *The Psychoanalytic Study of the Child*, 1:53–74. New York: International Universities Press, 1945.

Патология и иррациональность оральных устремлений полностью зависят от степени их соответствия структуре личности, от того, насколько эти устремления согласуются с глобальными образцами данной культуры, и на каком межличностном уровне они проявляются.

Здесь, так же как и всегда, мы должны определить, допустимо ли считать выражение инфантильных потребностей патологическим отклонением от общей системы экономических или моральных оценок данной культуры (или нации). Можно, к примеру, упомянуть про поддерживающую веру в «счастливый случай», – традиционную прерогативу чисто американской веры в свою изобретательность и в благожелательность фортуны.

Временами создается впечатление, что эта вера переходит в крупную азартную игру или принимает форму волюнтаристического самоубийственного провоцирования Господа Бога, когда человек непрерывно доказывает, что он мало того, что равен со всеми в правах, он – лучше их всех. Точно таким же образом, приятное чувство удовлетворения, охватывающее нас (особенно в какой-то компании) при столкновении со старыми или новыми вкусовыми ощущениями, при вдыхании, втягивании, глотании и переваривании пищи, легко может перейти в общую привычку, ничего не выражающую и никоим образом не ведущую к изначальному доверию. Совершенно очевидно, что здесь требуется эпидемиологический подход к вопросу: необходимо выяснить как внешнюю «злокачественность» инфантильных проявлений в культурной жизни, так и внутреннюю – в так называемых «дурных» склонностях, в различных маниях, в чувстве ненасытности – то есть везде, где можно обнаружить слабую степень орального удовлетворения.

* * *

Говоря о развитии, невозможно обойти молчанием самую первую точку отсчета. К сожалению, о самых ранних и глубинных образованиях человеческой души нам известно так мало! И все же я льщу себя надеждой, что мы наметили основные направления изучения постоянно возникающих составляющих человеческой витальности – от момента их зарождения, через кризис плентичности до последующего послекризисного состояния.

Хотя эта глава посвящена вопросу периодизации, мы не сможем рассмотреть остальные стадии развития столь же подробно, как первую. В дополнение к непосредственно измеряемым параметрам развития, наша схема исследования включает в себя: 1) Увеличение степени либидо (расширение либидозных потребностей), и, соответственно, появление новых возможностей для удовлетворения, фрустрации и «сублимации»; 2) Расширение социального радиуса, то есть возрастание количества людей, с которыми ребенок может контактировать на основе своих высококодифференцированных, способностей; 3) Возникновение кризиса развития, обусловленного необходимостью адаптации к новым условиям в пределах данной временной разрешенности; 4) Пробуждение чувства отчуждения, связанного с осознанием новых зависимостей и новых форм близости (в самом раннем младенчестве – чувство покинутости); 5) Формирование специфически новой психосоциальной устойчивости (в данном случае преобладание доверия над недоверием), определяющей всю дальнейшую сопротивляемость.

Как видите, это «запрещенная» схема личностных характеристик, слишком сильно зависящая от наших непосредственных целей, а именно, от способа описания ранних детских переживаний, которые способствуют, или – наоборот – препятствуют развитию будущей идентичности.

Что же мы называем самым ранним и самым недифференцированным «чувством идентичности»? Я считаю, что это чувство возникает в результате общения матери и ребенка, общения, пронизанного ощущением взаимной надежности и взаимным узнаванием. «Чувство идентичности», во всей его младенческой простоте, дает первый опыт того, что позже

– когда нахлынет «настоящая» любовь – получит название чувства «благоговейного присутствия», тоска по которому никогда не покидает человека.

Отсутствие или искажение этого чувства могут опаснейшим образом ограничить способность личности к идентификации. Глобальная необходимость идентификации подготавливается всем ходом юношеского развития, требующего от подростка отказа от мира детских грез и доверчивого вступления во «взрослую» самостоятельную жизнь.

С этой точки зрения к перечисленным шести пунктам я должен добавить седьмой, а именно – вклад каждой стадии развития в становлении «главного» человеческого стремления. Уже сформированное, это стремление у взрослого человека всегда превалирует над любыми стремлениями и любыми отчуждениями зрелого возраста.

Каждая последующая стадия и каждый последующий кризис всегда соотносятся с основными институализированными устремлениями человеческой природы по той простой причине, что жизненный цикл и система общественных установок эволюционируют совместно. Отношения между ними двоякого рода: каждое поколение привносит в свои установки осадок пережитых инфантильных потребностей и юношеских страстей, и с помощью этих установок – в свою очередь – поддерживает свою жизнестойкость – по крайней мере, пока эти установки работают.

Если я определяю религию как такую систему взглядов, с помощью которой человек пытался как-то подтвердить чувство базового доверия, то тем самым я опровергну попытку отнесения религиозного мировосприятия к проявлениям ребячества или – более того – к регрессивным проявлениям, хотя ни для кого не секрет, что практика и теория религии как формы общественного института отнюдь не исключают тотального инфантилизма. Как только мы преодолеваем универсальную амнезию всех «пугающих» сторон нашего детства, то сразу же с благодарностью осознаем, что розовый флер детства сохраняется на всю оставшуюся жизнь. Доверие перерастает в веру – в жизненно важной необходимости которой человек убеждается тем или иным способом. Мне кажется, что религия является древнейшим институтом (в смысле системы взглядов. – *Примеч. перев.*), предназначенным для облаченного в обрядовую форму возобновления чувства доверия в виде веры.

Эта система взглядов дает точное и ясное определение чувства греха, от которого она и призвана защищать человека. Если вспомнить о том, что религиозный способ поведения включает в себя «детское» подчинение творческой силе Божьей, стоящей у колеса земной Фортуны и обеспечивающей душевный мир, то изначальная детская устойчивость и способность к инфантилизации представляются очень весомыми величинами. В пользу последнего утверждения говорит также религиозная демонстрация «малости» и зависимости, проявляющаяся в полном отсутствии саморекламы, уничижительной жестикуляции, в исповедальном признании своих ошибок и грехов и в горячей молитве о внутреннем обновлении под мудрым водительством Божьим. Все это в высшей степени стилизовано и, стало быть, переведено в область надличностного.

По мере того, как индивидуальная мольба о возвращенном доверии становится частью совместного ритуала и выражением «надежности» данного сообщества людей, индивидуальное доверие перерастает в общую веру, а индивидуальное недоверие становится общепринятым злом.

Когда религиозность теряет свою актуальность, общество находит другие формы совместного «благоговения» перед жизнью, и тогда витальность поддерживается этими общепринятыми представлениями о мировом устройстве. Поскольку о витальной силе веры и надежды, всасываемой с молоком матери, можно говорить только как о разумно устроенном мире, то лишь это и является проверенной временем гарантией осуществления самых заветных желаний вне зависимости от прочих беспорядочных побуждений и модных вея-

ний. Ребенок, находящийся на самой ранней стадии развития, мог бы сказать о себе так: «Я – это та надежда, которую я получаю и дарю»².

² Одним из главнейших недостатков приведенной здесь схемы является тот дополнительный смысл, который вносится в чувство доверия (и во все прочие «позитивные» чувства) и может рассматриваться, как *достижение*, возникающее на той или иной стадии развития. И в самом деле, многие писатели настолько преуспели в своей пристрастности к «шкале достижений», что просто легкомысленно отбросили все негативные потенции (изначальное недоверие и т. п.), которые не только «контрапунктируют» позитивные потенции на протяжении всей жизни, но просто необходимы в психосоциальном плане. Личность, лишенная изначального недоверия, так же нежизнеспособна, как и лишенная доверия. Реальным достижением каждой стадии является достижение определенного *соотношения* негативного и позитивного, и в случае позитивной направленности ребенок может встретить свой очередной кризис в витальной «предрасположенности». Мысль о том, что приобретенная в определенный момент времени «позитивность» совершенно непроницаема для новых внутренних конфликтов и внешних пертурбаций, является проекцией на ось детского развития той идеологии успеха, которая в столь высокой степени, ставшей просто опасной, пронизывает многие наши личные и общественные представления. – *Прим. авт.*

Желание быть «самим собой». Проблема «анальности». Чувства стыда и неуверенности в себе

Психоанализ обогатил психиатрический словарь словом «анальность», которое относится к специфическому удовлетворению и специфическим желаниям, связанными с органами выделения человеческого тела. Пристальное внимание к процессам очищения организма обусловлено тем, что буквально с пеленок ребенок слышит поощрительное «хорошо», когда он удачно справляется с поставленной перед ним «глобальной» задачей. Сначала это поощрение необходимо для компенсации некоторого дискомфорта, связанного с ежедневной работой кишечника. По мере образования более оформленного стула и совершенствования того отдела мускулатуры, который отвечает за произвольное выделение (и произвольное сдерживание), анальный опыт все более и более обогащается. При этом область применения нового подхода к «жизни» вовсе не ограничивается сфинктерами. У ребенка развивается генеральный навык – а лучше сказать, неистовое желание – волевого противопоставления сдерживания и извержения, или, в более общем виде, «держания» и «отпускания».

Важнейшее значение этой второй стадии раннего детства состоит в быстром наращивании мышечной массы, в появлении речи, а также в возникновении дифференцированной способности – или вдвойне переживаемой неспособности – соотносить между собой образцы совершенно противоположных действий, суть которых выражается антонимами «держать» – «отпускать». Здесь так же, как и во многом другом, ребенок – до сих пор столь зависимый от других – начинает проявлять свою автономную волю. Именно в это время на сцену выходят сдержанные и удовлетворенные желания, буквально раздирающие ребенка на части. Конфликтные ситуации объясняются не только тем, что детские прихоти очень часто идут вразрез с родительской волей, но и тем, что ребенок нередко неадекватен своему самому яростному побуждению.

Что касается пристойности анальных проявлений, то все зависит от того, как это вписывается в систему культурных ценностей. В некоторых примитивных и земледельческих цивилизациях родители полностью игнорируют анальное поведение и предоставляют старшим детям полную свободу руководства младшими в этом вопросе. Уступчивость же последних вполне объясняется их желанием во всем походить на взрослых.

Наша, западная, цивилизация (как, впрочем, и некоторые другие, например, японская), а особенно некоторые группы внутри ее, относятся к этой проблеме более серьезно. Веком машинного производства создан идеал вышколенного, натренированного, безупречно функционирующего, всегда чистого и благоухающего тела. Кроме того, с большей или меньшей степенью предубеждения предполагается, что раннее строгое приучение к «горшку» абсолютно необходимо, так как в нашем механизированном мире, где время – деньги, эта привычка будет способствовать более эффективному образу жизни.

Таким образом, ребенок из животного, нуждающегося в дрессировке, почти мгновенно превращается в хорошо отлаженную машину – хотя совершенно очевидно, что сила воли может развиваться только очень постепенно. Во всяком случае, в нашей клинической практике очень распространены неврозы навязчивых состояний – неврозы исключительно нашего времени, при которых скудость, задержка и щепетильность в отношении любви, времени и денег вполне соответствует манере физиологических отправлений больного. Кроме того, эта сторона детского воспитания стала самой волнующей темой для дискуссий в самых широких слоях нашего населения.

* * *

Что же делает анальную проблему столь важной, а решение ее – столь трудным?

Анальная зона больше, чем какие-либо другие части человеческого тела приспособлена для настойчивого выражения некоего конфликтного импульса. Объясняется же это тем, что именно анальная зона является моделью сосуществования, а затем и взаимоисключения, двух противоположных тенденций, а именно сдерживания и выделения. Далее – сфинктеры составляют всего лишь небольшой отдел всей системы мускулатуры с ее глобальной амбивалентностью напряжения и расслабления, сужения и растяжения.

Поэтому эта стадия незаметно становится битвой за автономию. По мере того, как ребенок все крепче стоит на своих ножках, он постепенно учится выделять себя из окружающего мира и ориентироваться в понятиях «я», «мне», «мое» и «ты», «тебе», «твое». Каждой матери знакома невероятная сговорчивость ребенка в этом возрасте, но только в том случае, если он «пламенно возжелает» сделать то, что от него требуется. К сожалению, универсального рецепта для убеждения пока не существует. Ребенок, еще секунду назад так любовно прижимающийся к матери, вдруг может безжалостно оттолкнуть ее. В это же самое время в нем уживаются столь противоположные желания, как собирать вещи и разбрасывать их, беречь свои сокровища – и внезапно выбросить их из окна.

Все эти кажущиеся столь несовместимыми импульсы мы объединяем общим понятием «сдерживающе-отторгающего» образа действия. Фактически все основные модальности с одинаковым успехом могут служить для выражения как позитивного, так и негативного отношения. Следовательно, желание «держаться» вполне может обернуться жестоким и разрушительным сдерживанием и воздержанием, но, с другой стороны, может сформировать паттерн «заботливого» поведения в смысле «иметь что-то» и «держаться за это». Точно так же воля к освобождению, желание «отпустить» может перейти в злокачественную форму, когда человек неспособен сдерживать свои разрушительные порывы, но, с другой стороны, может развить спокойное, ненапряженное отношение к жизни (что, пожалуй, лучше всего формулируется в оборотах типа «оставить в покое» и «не обращать внимания»). В культурном смысле эти модальности сами по себе не плохи и не хороши; их оценка полностью определяется тем, как они встраиваются в систему культурных ценностей.

Сложившаяся взаимная регуляция взрослого и ребенка подвергается новым суровым испытаниям. Если родители слишком строго или слишком рано лишают ребенка возможности свободно и постепенно приобрести навыки управления своим организмом, то они сталкиваются с удвоенным сопротивлением и удвоенным поражением. Ребенок, бессильный перед анальными инстинктами, и напуганный своими собственными ощущениями и родительским бессилием, вынужден искать удовлетворения в регрессивных или ложно-прогрессивных формах поведения. Другими словами, он возвращается к более ранним оральным привычкам, например, сосет большой палец и становится чрезмерно требовательным, своевольным и враждебно настроенным; проявляет излишний интерес к своим фекалиям (что позже перерастает в пристрастие к «грязным» словам); или претендует на полную автономию и способность со всем справляться самостоятельно, без посторонней помощи – что ему, конечно же, не удается.

Поэтому именно на второй стадии развития решается, каким будет личностное соотношение между миролюбием и злобным самоутверждением, между кооперацией и своеволием, между самовыражением и самоограничением. Самоконтроль и самооценка являются онтогенетическими источниками свободной воли. Предрасположенность к сомнению и чувству стыда вытекает из чувства неизбежности потери не только родительского, но и самоуправления.

Для развития чувства автономии совершенно необходимо неустанно укреплять чувство доверия. Ребенок должен твердо уяснить, что его вера в себя и в окружающий мир не может пострадать от его неистового желания настоять на своем, и только родители могут защитить ребенка в его неопытности и неосмотрительности. Окружающие должны поддерживать в ребенке желание «самому стоять на ногах», помогая ему справиться с новым для него ощущением «выставленности напоказ в глупом свете» (то есть ощущением стыда) и чувством вторичного недоверия. Это вторичное недоверие мы называем неуверенностью – неуверенностью как в себе, так и в своих руководителях.

* * *

Чувство стыда приобретает почти безболезненно, потому что наша культура характеризуется очень ранним «растворением» этой инфантильной эмоции в чувстве вины. Стыдливость предполагает осознание «взгляда со стороны» – другими словами, стыдливость предполагает самоосознание. Что-то, что должно остаться в тайне, теперь открыто всем взорам. Вот почему «стыд» так часто ассоциируется с тем состоянием, когда нас застали врасплох, ночью, а мы не одеты, и сердце у нас «уходит в пятки». Стыдливость очень часто проявляет себя в желании спрятать лицо или «провалиться сквозь землю». Предрасположенность к чувству стыда эксплуатируется во многих первобытных культурах, проповедующих «стыдливый» метод воспитания. В данном случае чувство стыда вытесняет значительно более деструктивное чувство вины, о чем мы поговорим несколько позже.

Обычай тщательно закрывать лица чадрой или вуалью, принятый у некоторых народов, уравнивает чувство стыда, базирующееся на чувстве «малости», которое возрастает по мере того, как ребенок начинает ходить и осознавать относительность размеров предметного мира.

Слишком большая стыдливость вовсе не гарантирует появления чувства приличия, но, наоборот, может закрепиться в тайной склонности к воровству и привести к намеренному бесстыдству. Всем знакома потрясающая американская баллада об убийце, которого должны повесить на глазах у «почтенной публики». И вот он, вместо того, чтобы смертельно бояться и дрожать от стыда, начинает осыпать всех присутствующих грязными ругательствами, заканчивая каждый пассаж словами: «Проклятие вашим глазам!» Малышу частенько бывает невыносимо стыдно за свое поведение, и, наверное, если бы он обладал тем же мужеством (и тем же словарным запасом), что и этот убийца из баллады, он выразился подобным же образом. Самое неприятное заключается в том, что каждый человек (будь то взрослый или ребенок) имеет свой индивидуальный порог чувствительности, за пределами которого он начинает считать свое тело, свои желания и свои потребности недостойными и грязными, а тех, кто не испытывает таких «низменных» страстей, – абсолютно безгрешными. Иногда может случиться и так, что ребенок вообще перестает прислушиваться к мнению окружающих, считает злом единственный факт их существования и ждет не дождется, когда его оставят одного.

Эта стадия развития чревата усилением «нормативного» отчуждения детей и родителей, что, в свою очередь, может вызвать психотические и невротические расстройства. Чувствительный ребенок вполне может «зациклиться» на своем желании «ну и пусть мне будет хуже», что может привести к преждевременному развитию совестливости. Вместо неторопливого и постепенного постижения смысла вещей, дающегося в игре, ребенок проявляет яростное желание иметь все «прямо сейчас». Когда ребенок не может «разумно» отрегулировать свои отношения с родителями, он берет «верх» над ними именно с помощью этой «инфантильной одержимости» и бесконечно занудных «ритуальных» повторов. Эта сомнительная победа является моделью будущего невроза навязчивых состояний.

В юности человек, подверженный таким состояниям, обнаруживает полную неспособность противостоять своим непреодолимым желаниям. Чтобы освободиться из-под гнета навязчивости, он, наоборот, идет «на поводу» своих желаний – и, к примеру, начинает воровать. В то самое время, как подросток учится изворачиваться и выходить сухим из воды, его рано созревшая совесть запрещает ему красть, и поэтому молодой человек встречает свой кризис идентичности привычно пристыженным, извиняющимся и дрожащим от страха, что его увидят. Кроме того, может сработать компенсаторный механизм, и подросток начнет выказывать открытое неповиновение, идеалом которого является «бесстыжая бандитская наглость»...

Неуверенность сродни стыду. Но если чувство стыда зависит от степени честности и «открытости» сознания, то неуверенность связана с наличием различных плоскостей сознания, а более всего с тем, что находится за пределами сознательного. Поскольку, хотя ребенок и не может заглянуть в глубины своего организма и разобраться в работе сфинктеров – этих носителей либидо и агрессии, при определенном внешнем влиянии эта глубинная область может стать доминирующей. Захват этого темного островка на светлом фоне остального тела может стать определяющим для того, кто посягает на чужую независимость и считает продукты выделения человеческого организма чем-то греховным (в то время как возможно совершенно нормальное и спокойное отношение к этому).

Базовое чувство неуверенности в своих неосознанных способностях является моделью навязчивых движений, а также других, более поздних и более вербальных разновидностей навязчивых состояний. Типичный пример этому – параноидальная мания преследования и постоянные поиски мифической внешней опасности. Для юности характерна глобальная неуверенность в себе и ощущение невозможности использования своего детского опыта на следующем этапе развития. Отрицание может дойти до упрямого пристрастия ко всему «низменному» и «гадкому», что, конечно, включает грязное поношение в адрес самого себя и окружающего мира.

* * *

Так какие же общественные институты призваны охранять завоевания второй стадии развития? Мне кажется, что изначальная потребность в автономности гарантируется общечеловеческими принципами права и порядка. Принципы эти действуют не только в зале суда, но и в нашей обыденной жизни, определяя права, обязанности и привилегии каждого из нас. Помочь в воспитании маленького человека, который демонстрирует супраперсональное негодование гораздо чаще, чем некую абстрактную добродетель, способно лишь чувство разумно-ограниченной автономии самих родителей. Этот вывод представляется нам исключительно важным, так как чувства неуверенности и унижения, возникающие в результате наказания и столь присущие многим детям, на самом деле являются следствием родительских фрустраций в супружеском, профессиональном и гражданском планах.

Если ребенок с детства привык к излишней свободе и автономии, а затем вдруг обнаруживает, что в реальной жизни им управляют какие-то безликие организации и машины (что на самом деле гораздо сложнее) – то, как результат этого, может наступить хроническое разочарование. В итоге, это разочарование полностью «отбивает охоту» считаться с чьей-либо автономией, в том числе и с чувством автономности собственных детей. Человек попадает во власть иррациональных страхов: он боится потерять свою «последнюю» автономию, ему всюду мерещатся враги, ограничивающие его свободу воли, и в то же время – совершенно парадоксальным образом – он боится потерять своего «ведущего» и остаться без четких директив...

Заканчивая разговор о первой стадии развития, подчеркнем, что отголоски ее сохраняются на многих иерархических уровнях существования. На языке индивидуального чувства Личности ощущения первой стадии могут быть выражены словами: «Я – это надежда, которую я получаю и дарю». Подобно этому о сущности стадии обретения автономии можно сказать так: «Я – это моя свободная воля».

Инфантильная «генитальность». Ревность и соперничество. Моральность как синоним мстительности и давления на других

После того, как ребенок утвердится в своей «самостоятельности», он должен понять, какой же именно личностью ему суждено стать. Безусловно, на этой ступени происходит глубокая идентификация с родителями – единственными, прекрасными и могущественными, хотя порой они бывают столь непонятными и даже опасными. Развитие идет по трем направлениям (которые, в конечном итоге, и обуславливают кризис данной стадии): (1) приобретение ребенком большей свободы действий и движений, а тем самым – расширение круга решаемых задач, что на субъективном уровне воспринимается как неограниченная свобода; (2) совершенствование чувства языка, когда ребенок безостановочно задает бесчисленные вопросы, часто совершенно неверно истолковывая полученные ответы; (3) возрастание двигательной и языковой активности, позволяющей представить такое немыслимое количество новых ролей, что ребенок не может не испугаться своего собственного воображения. Тем не менее, в результате этого развития формируется чувство инициативы как фундамента реалистической целеустремленности.

Что же является критерием сохранности и «нормальности» чувства инициативы? Критерии достаточности любого из обсуждаемых нами «чувств» всегда одинаковы: при нормальном развитии ребенок выходит из очередного кризиса (с его новым отчуждением) более зрелым, все более становится «самим собой»: любящим, спокойным, трезвым в решениях – другими словами, его витальность переходит на новый виток. Более того, теперь ребенка гораздо проще привести в состояние активности; он явно обладает определенной избыточной энергией, запас которой позволяет ему достаточно быстро позабыть все прежние неудачи в погоне за освоением манящих – хотя порой опасных в своей новизне, просторов.

Итак, мы приблизились к концу третьего года жизни ребенка, когда ходьба из самостоятельного упражнения превратилась в некоторую незамечаемую данность. Безусловно, способность ходить начинает развиваться гораздо раньше этого момента, но ходьба становится автоматическим навыком только тогда, когда ребенок перестает падать, «побеждая» силы гравитации, когда он оставляет процесс собственно ходьбы в стороне и использует этот механизм не в виде цели, а в виде средства для достижения чего-то иного. Только после этого ноги из «ходячего» придатка тела превращаются, если можно так выразиться, в «часть» личности; только теперь ребенок, наряду с тем, что он умеет, делает то, что он может и хочет; только теперь ребенок воспринимает себя как «большого», «прогуливающегося взрослого». Он начинает сравнивать все вокруг и выказывает необычайную заинтересованность различиями внешнего облика и размеров окружающих его объектов, в частности – различиями половыми и возрастными. Он пытается охватить своим воображением все возможные роли, которые ему предстоят – по крайней мере, он хочет понять, что именно должно стать предметом воображения. Почти моментально ребенок соотносит это со своим собственным возрастом. В компании более старших детей или под руководством няни (бонны, воспитательницы и т. п.) он постепенно постигает тайны улицы, двора, детского сада. Обучение принимает все более навязчивые и энергичные формы; оно уводит ребенка от заданных ограничений и открывает ему будущие возможности.

Весь стиль поведения на данной стадии развития характеризуется доминированием навязчивости, определяя не только соответствующую деятельность, но даже и способ фантазирования ребенка. Это включает в себя: (1) «завоевание» окружающего пространства с помощью энергичной моторики; (2) «поглощение» нового с помощью неистребимого любо-

пытства; (3) привлечение внимания окружающих форсированным голосом и агрессивным тоном; (4) физические атаки на других людей и (5) часто пугающие мысли о внедрении фаллоса в женскую плоть.

* * *

В теории инфантильной сексуальности все вышеизложенное относится к фаллической стадии развития. Это стадия инфантильного любопытства, генитальной возбудимости и постоянной озабоченности различными сексуальными вопросами (к примеру, явным отсутствием пениса у девочек). Конечно же, такая «генитальность» является не более чем рудиментарным намеком на будущую сексуальность: часто она даже незаметна для наблюдателя. Если не провоцировать ребенка преждевременной демонстрацией слишком уж соблазнительных сцен, если не угрожать ему всяческим «отрезанием» и «выбрасыванием», если следить за тем, чтобы детские игры не перерастали в сексуальные забавы, – то такая «генитальность» проявится лишь в форме специфически-притягательных переживаний, которые вскоре станут настолько пугающими и бессмысленными, что будут подавлены. Так формируется «латентный» – по Фрейд – период, соответствующий длительному временному интервалу, который отделяет физиологическую половую зрелость от инфантильной сексуальности (у животных часто наблюдается плавный переход одного в другое). В это же время ребенок сталкивается с тем, что в ходе его попыток представить себя то в роли матери, то в роли отца, ему постепенно доставляет большее удовольствие чувствовать себя либо отцом, сексуально связанным с матерью, либо – наоборот – матерью.

Чрезвычайно глубокие эмоциональные последствия такого инсайта, а также связанные с ним различные мифические страхи Фрейд объединил под названием Эдипова комплекса. В основе Эдипова комплекса лежит логическое развитие первой инфантильной влюбленности и первой генитальной «привязанности» мальчиков к ухаживающим за ними женщинам. При этом развивается первое по времени соперничество с теми, кто предъявляет свои сексуальные права на выбранных «прекрасных дам». В свою очередь, маленькие девочки привязываются к отцу (или к каким-либо другим лицам мужского пола) и, соответственно, ревнуют к собственной матери. Дальнейшее развитие подобных чувств может привести ко всяческим осложнениям, так как девочка полностью отрезает себе все «пути отступления» к любящей маме и превращает любое материнское неодобрение в нечто мифически опасное в тем большей степени, в какой на самом деле факт неодобрения в глубине души «заслужен».

В этом возрасте – чуть раньше или чуть позже – девочки осознают, что хотя их двигательная, духовная и интеллектуальная напористость так же сильна, как и у мальчиков (это и позволяет им быть хорошими товарищами в совместных играх), они полностью лишены основного – а именно, пениса, а вместе с ним и важнейших привилегий большинства культур. В то время как мальчики наделены столь совершенным органом, с которым у них связаны все детские представления о мужественности, клиторы девочек лишь слабо поддерживают мечты о сексуальном равенстве, и «бедные» девочки пока не имеют даже груди – этого аналогичного пенису будущему знаку «взрослости». Мысль о фаллосе, пронзающем их плоть, представляется настолько пугающей, что стремление к материнству редуцируется до различных игровых ситуаций или даже до нянченья детей. С другой стороны, в тех случаях, когда главой семьи является мать, у мальчиков может развиваться чувство неадекватности, потому что как бы ни велики были его успехи вне дома, ему никогда не стать главным в семье (по сравнению с матерью или старшими сестрами). Последние же, в свою очередь, могут также усугубить неуверенность в себе, внушая мальчику мысли о том, что он и впрямь существо низшего порядка.

Там, где условия экономической и социальной жизни диктуют необходимость разграничения функций мужчины и женщины с их специфической силой и слабостью, ранняя необразованность в вопросах пола, конечно же, очень легко «врастает» в концепцию сексуальной дифференциации данной культуры. Все – и мальчики, и девочки – чрезвычайно чувствительны к любому мало-мальски убедительному обещанию того, что когда-нибудь они станут такими же, как мать или отец, а может быть, даже и лучше них; дети, как правило, очень ценят уроки «сексуального просвещения», терпеливо и понемногу проводимые с ними время от времени.

* * *

«Ходячий» период – время игры и инфантильной «генитальности» добавляет к списку основных социальных модальностей обоих полов влюбленность, сначала в детском варианте поиска любовных приключений. Смысл новой модальности как нельзя лучше выражается с помощью этой английской идиомы. В нее включены и азарт соревнования, и настойчивость в достижении цели, и радость победы. У мальчиков превалирует любовный поиск в форме лобовой атаки; у девочек же она проявляется в «расставлении любовных сетей» либо с помощью агрессивного «захвата», либо в желании сделать себя более привлекательной и желанной.

Таким образом, у ребенка закладываются предпосылки для развития мужской (или женской) инициативы, а сверх этого – определения своего сексуального облика; как то, так и другое существенным образом влияют на позитивные и негативные черты будущей личности. Бурное развитие воображения и опьянение своей возросшей физической силой приводит к тайной гигантомании. Пробуждается очень сильное чувство вины – очень странное чувство, предполагающее, что человек совершил преступление (или просто дурной поступок), которое при ближайшем рассмотрении оказывается не только несовершенно, но и просто невозможным по причине биологической абсурдности последнего. В то время как борьба за автономию в самых ярких своих проявлениях была направлена на сохранение внешнего первенства и очень часто являлась отражением бешеной ревности по отношению к младшим братьям и сестрам, инициатива связана с преждевременным соперничеством с теми, кто вследствие своего лидерства может претендовать на то, что изначально было другого.

Ревность и соперничество – опустошительные и никчемные попытки хоть как-то сохранить свои привилегии – доходят до своего логического завершения, устанавливая желаемое отношение с одним из родителей: неизбежное и в чем-то необходимое поражение приводит к появлению чувства вины и внутреннего беспокойства. Ребенок пытается скомпенсировать эти неприятные ощущения, воображая себя великаном, грозным тигром и т. д., в то же время в страхе возвращаясь в реальность. Это стадия боязни жизни, боязни «расчленения», составляющих так называемый комплекс кастрации («castration complex»). У мальчиков он проявляется в сильнейшем страхе потери пениса, а у девочек – в глубочайшей убежденности в том, что специфика их гениталий (отсутствие пениса) обуславливается наказанием за их тайные мечты и поступки.

Воспитанием инициативы занимается совесть. Ребенок теперь опасается не только «внешнего глаза», он постоянно прислушивается к «внутреннему голосу» своего самонаблюдения, саморуководства и самонаказания. Эти функции самоосознания «раскалывают» личность; возникает новое и очень сильное отчуждение ребенка от самого себя, являющееся онтогенетическим источником морали. Поскольку нас интересует человеческая витальность, не следует забывать, что излишний энтузиазм взрослых в этом вопросе может повредить как духовному, так и моральному становлению ребенка. Слишком часто совесть

маленьких детей проявляется в самых примитивных, жестоких и бескомпромиссных формах, когда ребенок полностью «зажимается» в тотальном «все-запрещении» и демонстрирует покорность значительно большую, чем та, которая от него требуется.

Такой же тип совестливости можно наблюдать в развитии сильного регрессивного недовольства родителями, которые вовсе не пытаются следовать законам совести, культивируемым в то же самое время в собственных детях. Один из глубочайших жизненных конфликтов вызывается ненавистью к родителям, служившими сначала недостижимым идеалом и эталоном совести, а затем вдруг безболезненно «ускользнувшими» от чувства греха, которое дети просто не в силах больше переносить. Таким образом, ребенок приходит к убеждению, что главное в жизни заключается не в некоей универсальной добродетели, а в деспотической власти авторитета. Подозрительность и уклончивость, присоединяющиеся к «всеохватности» (или ничтожности) суперэго высокоморального человека, представляет огромную опасность не только для него самого, но и для всех окружающих. Моральность может стать синонимом мстительности и давления на других.

* * *

Все вышеизложенное может показаться странным тем моим читателям, которые и не подозревают, какой разрушительный энергетический потенциал может быть сформирован на этой стадии развития, и как – до поры до времени находящийся в латентном состоянии – он при первой же возможности или провокации начнет вносить свой весомый вклад в арсенал внутренней деструктивности.

Употребляя слова «потенциал», «возможность», «провокация», я хочу подчеркнуть, что такой путь развития личности не может быть совместим с конструктивной «мирной инициативой», и если мы изучаем детские конфликты, отдавая себе отчет в том, какое значение имеет детство для всего человечества, мы должны это учитывать.

Если же мы склонны не замечать своеобразие феномена детства, со всеми его самыми возвышенными и самыми низменными фантазиями, то мы рискуем просмотреть извечный источник человеческого беспокойства и человеческих разногласий. Как и всегда, патологические следствия неправильного развития на данной стадии скажутся значительно позже, когда конфликтность чувства инициативы найдет свое отражение в форме истерического отрицания или в виде жесткого самоограничения, которые не дают человеку возможности жить в согласии с его внутренними способностями, чувствами и представлениями.

Среди групповых психологических последствий инициативной стадии, пожалуй, следует назвать латентную – а иногда даже «яростную» – готовность прилежно и подобо-страстно следовать за любым лидером, способным поставить некие имперсональные цели. Цели эти вызывают незатухающий «фаллический» энтузиазм у мужчин и жажду подчинения у женщин, и таким образом, «снимают» иррациональное чувство вины. Совершенно очевидно, что мужской идеал агрессивности своими корнями уходит в инициативную стадию развития, в конфликтное становление личности – и в неправильное решение проблемы идентификации...

Усиливающиеся разочарование и неуверенность, сопутствующие осознанию пропасти между инфантильными представлениями и реальностью «взрослого» мира, могут привести к формированию связей между чувством вины и жестокостью, представляющих большую опасность как для самого человека, так и для окружающих.

Чувство неполноценности. Опасность «неверной идентичности»

Существует некая мудрость в том, что лишь к концу периода экспансии воображения ребенок, во-первых, приобретает способность к быстрому обучению, а во-вторых, начинает взрослеть в смысле понимания сущности долга, дисциплины и исполнительности. Он все так же стремится к совместной деятельности со взрослыми – будь то конструирование или рисование, вместо привлечения к игре других ребятшек. В этом возрасте дети склонны привязываться к своим воспитателям, учителям, чужим родителям, им хочется наблюдать и имитировать всех вокруг: пожарных и полисменов, садовников, водопроводчиков и мусорщиков.

Если им везет, то хотя бы часть своей жизни они проводят около какого-нибудь хозяйственного двора, окруженные занятыми людьми и детьми различного возраста. Здесь они могут все наблюдать и во всем участвовать – по мере своих сил и способностей, а это приводит к необычному росту инициативы. Но потом приходит пора идти в школу, и дети различных культур сталкиваются с необходимостью вы зубрить сотни правил, хотя, конечно, в тех школах, где работают грамотные педагоги, этого стараются избегать.

К сожалению, очень многие приходят в педагогику не по «велению сердца», а в силу жизненных обстоятельств, и все их «профессиональное мастерство» сводится к овладению несложными методами преподавания, базирующимися на обучении ребенка простейшей орудийной технике взрослых. Такие учителя следуют избранному методу весьма скрупулезно.

* * *

Этот период таит опасность появления отчуждения ребенка от самого себя и своих установок, вследствие чего появляется так хорошо известное многим чувство неполноценности. Порой оно связано с более или менее безболезненным разрешением прежних конфликтов: ребенок может предпочитать общество матери любому, самому интересному, процессу обучения; ему может быть более приятна роль домашнего любимца в сравнении с ролью «взрослого» школьника; он может продолжать сравнивать себя с отцом – и это вызывает у него чувство вины и неполноценности.

Возможно, ребенок просто не готов к школе – или же, наоборот, сама школа не в состоянии поддержать в нем ничего из того, чему он, на его взгляд, научился «хорошо» и что вполне соответствует требованиям учителя и взглядам одноклассников. Не исключено, что ребенок обладает какими-то скрытыми задатками, которые либо пробудятся значительно позже, либо вовсе не пробудятся.

Именно по этой причине общество становится столь значимой величиной в мировосприятии ребенка, допуская его на некоторые «вспомогательные роли», подготавливающие к знакомству с реальной технологией и экономикой (иначе говоря, с культурой. – *Примеч. перев.*). И здесь ребенок немедленно обнаруживает, что цвет его кожи и материальное положение его семьи сказывается на его «ученической» ценности значительно сильнее, чем его желание учиться. Естественная человеческая склонность к недостойным чувствованиям может быть фатальным образом усилена, и в результате именно они станут определять развитие личности.

Хорошие учителя, пользующиеся заслуженным доверием и уважением, знают, как сочетать игру и работу, развлечения и занятия. Они могут распознать старательность, умеют

поддерживать в ребенке интерес, поощряя его. Они четко представляют, что детям на все требуется время; они в состоянии справиться с теми учениками, кому школа абсолютно безразлична и кто только терпит ее, не получая взамен никакого удовлетворения; они всегда победят тех, для кого учитель ничего не значит и кто ходит в школу лишь для общения со сверстниками. Кстати сказать, хорошие родители должны научить своих детей доверию к учителю – конечно, предварительно следует найти именно таких учителей. На карту поставлено не больше-не меньше, чем развитие у детей позитивной идентификации с теми, кто знает, что и как надо делать. В ходе многочисленных бесед с различными высокоодаренными людьми один из наших интервьюеров с жаром утверждал, что только учитель способен разжечь пламя скрытого таланта. Ну, а в жизни этому слишком часто противостоит глобальное пренебрежение к данному вопросу.

* * *

Факт преобладания женщин среди учителей младших классов должен быть пересмотрен, потому что он может привести к противоречию с «мужской» идентификацией интеллектуальных мальчиков (как если бы знание имело женскую природу, а действие – мужскую). Утверждение Бернарда Шоу, что те, кто могут, делают, а те, кто не могут, – учат, к сожалению, до сих пор слишком часто разделяется и родителями, и детьми.

Для того чтобы избежать многочисленных трудностей, присущих школьному возрасту, жизненно важно тщательно готовить и отбирать учителей. Развитие чувства неполноценности и уверенности в своем «непреодоляемом» несчастье, безусловно, представляет огромную опасность для личности, и «снять» эти тревожные симптомы может только учитель, знающий, как привлечь внимание ребенка на то, что он делает хорошо, и умеющий разглядеть начало психопатологии. Несомненно, именно на этом пути лежит возможность предупреждения неправильных идентификаций, которые могут привести к полному «отупению» и отсутствию желания учиться.

С другой стороны, столь многообещающее чувство идентичности может преждевременно «застопориться» на желании быть не более чем «маленьким человеком», «маленьким рабочим», «маленьким помощником» – но, конечно же, это не определяет предела всех возможностей ребенка. Ну и, в конце концов, существует опасность, едва ли не самая главная, что, проучившись в школе долгие годы, ребенок так никогда и не научится получать от своей работы удовлетворение и гордиться своими профессиональными успехами...

Два противоположных основополагающих принципа американского начального образования вполне могут проиллюстрировать вклад школы в формирование идентичности. Существует традиционный взгляд на школьное обучение как преддверие «суровых жизненных испытаний», и в этом случае акцент делается на самоограничении и развитии сильного чувства долга (то есть выполнении того, что нужно сделать). Современные же педагогические концепции рассматривают школьный период как логическое продолжение естественной детской тяги к игровому обучению. В этом случае дети учатся делать необходимое только «через» нечто привлекательное и интересное. Оба этих метода «работают» не всегда и не со всеми, но в любом случае они накладывают свой отпечаток на характер ребенка.

Первый подход, доведенный до крайности, опирается на неосознанное стремление некоторых детей к полной зависимости от предписанного круга обязанностей. Такой ребенок может учить больше, чем это требуется по программе, и развить у себя непоколебимое чувство долга. Но при этом он никогда не откажется от совершенно ненужного и даже вредного самоограничения, которое позже может не только отравить существование и ему и другим, но и полностью отобьет совершенно естественное для ребенка желание учиться и работать.

Второй подход, доведенный до абсурда, не только отражается в общепринятом мнении, что дети теперь ничему не учатся, но и приводит к развитию противоречивых чувств, которые иллюстрируются знаменитым вопросом эмансипированного ребенка: «Господин учитель, надо ли нам сегодня делать то, что хочется?» Ничто лучше этой фразы не выражает готовность детей этого возраста к сдержанному, но твердому управлению, в ходе которого ребенок выясняет, что очень многим вещам просто невозможно научиться без посторонней помощи. Процесс обучения притягателен еще и потому, что новые навыки не имеют никакого отношения к игре или фантазии, а являются продуктом реальности, практики, логики. Все эти ощущения, вместе взятые, способствуют формированию символического чувства соучастия в реальном мире взрослых.

Между двумя крайними точками зрения на школьное обучение лежит бесконечное множество промежуточных вариантов, не имеющих «своего лица» и лишь считающих, что в определенном возрасте дети должны посещать школу. Социальное неравенство и отсталость методики воспитания, до сих пор создают зияющую пропасть между очень многими детьми и современной технологией, нуждающейся не столько в том, чтобы дети могли «служить» технологическому процессу, но – более императивно – в том, чтобы эта самая технология могла «служить» человечеству.

* * *

Здесь скрывается еще одна опасность для развития «неверной» идентичности. Если излишне конформный ребенок воспринимает работу как единственный критерий осмысленного существования, слишком поспешно жертвуя ей воображением и игрой, то очень скоро он придет, по выражению Маркса, к «профессиональному кретинизму», то есть просто станет рабом своей узкой специализации и ее доминантной ролевой типологии.

Мы находимся в самом центре личностных проблем – в процессе установления прочных первичных связей с орудийным и профессиональным миром, с учителями и преподавателями. Именно здесь, на пороге пубертатности, собственно детство заканчивается. И поскольку человек существо не только обучающееся, но обучающее и работающее, непосредственный вклад стадии школьного обучения в формирование чувства идентичности может быть выражен словами: «Я – это то, чему я могу научиться, чтобы работать».

Совершенно очевидно, что во все времена такой тезис не только способствовал, но в чем-то и сковывал развитие этого чувства. Другими словами, большинство людей, тем или иным способом, определяют своими профессиональными интересами, группируясь по различным признакам (возрасту, одаренности и т. д.) свято почитая эти «высшие» кланы, без которых их ежедневный труд является если не рутинной и мучением, то, во всяком случае, неадекватной самореализацией. По этой причине проблема идентичности приобретает не только психиатрический, но и исторический интерес, поскольку, если человек сможет передать машинам всю однообразную и нетворческую работу, он сможет значительно полнее использовать данную ему свободу.

Проблематика юности. субкультура ценностей. Коллективная истерия как юношеский пережиток

По мере того, как увеличивается интервал между школьным обучением и началом трудовой деятельности, юность становится все более значительным и осознанным периодом в жизни человека, включающем в себя отрезок времени между детством и зрелостью. Уже в старших классах подростки, слегка ошарашенные происходящими в них физиологическими изменениями, связанными с половым созреванием, и некоторой неопределенностью контуров стоящей перед ними «взрослой жизни», пытаются установить своеобразную юношескую субкультуру непреходящих ценностей. Они производят болезненное и несколько странное впечатление своим постоянным беспокойством о том, как они выглядят в глазах других и как это соотносится с их представлениями о себе, пытаясь хоть как-то «сбить» то, чему они учились до сих пор, со взглядами и прототипами текущего момента.

В поисках нового чувства непрерывности и тождественности, теперь включающим в себя сексуальную зрелость, некоторые подростки – прежде чем смогут «впитать» в себя все «идолы и идеалы», обуславливающие «финальную» идентичность, – вновь переживают кризисы ранних лет. Прежде всего, они нуждаются в «отсрочке» интеграции целостной личности из отдельных качеств, сформированных на стадиях детского развития. Только теперь привычное детское «домашнее» окружение заменяется на нечто огромное, расплывчатое в своих контурах и, тем не менее, невероятно требовательное, словом, подросток впервые непосредственно сталкивается с обществом. Вся юношеская проблематика вытекает из уже сформированных черт характера.

Если на самой ранней стадии смогло выработаться базовое доверие (как себе, так и другим), то юношеский период будет характеризоваться страстными поисками тех людей и тех идей, которым можно верить и которые способствуют сохранению чувства надежности. В то же самое время юность страшится глупости, слишком доверительных признаний и совершенно парадоксальным образом выражает свою потребность в вере громким и циничным недоверием.

Если на второй стадии развития ребенок научился необходимости четко определять свои желания, то в юности подросток будет искать любую возможность самостоятельно решать вопросы доступности и неизбежности долга и службы, в то же время смертельно боясь тех вынужденных ситуаций, в которых он будет выглядеть смешным или неуверенным в себе. Это также приводит к парадоксу, а именно, к тому, что подростку значительно проще вести себя абсолютно бесстыдно на глазах у старших, нежели заставить себя совершить какой-нибудь поступок, за который ему придется краснеть перед собой или перед своими сверстниками.

Если игровой период оставил после себя «в наследство» способность к неограниченному воображению, то совершенно очевидно, что подросток будет с готовностью доверяться тем своим сверстникам или тем старшим товарищам, которые смогут придать образное оформление его скрытым притязаниям. К тому же в этом случае подросток яростно возражает против любых «педантичных» ограничений его представлений о себе и всегда готов громко и защищать свою чрезмерную амбициозность.

Ну, и в заключение хотелось бы сказать, что, если в результате школьного обучения четко наметилось желание работать, и работать хорошо, то вопрос выбора профессии начинает превалировать над вопросами материального вознаграждения и общественного положения. По этой причине многие подростки предпочитают вовсе не работать, нежели заниматься нелюбимым делом, которое, хотя и сулит успех, тем не менее не приносит никакого удовлетворения.

* * *

Всегда и везде юность – это время самоутверждения, когда кажется, что на гребне технологических, экономических или идеологических течений можно приобрести все необходимое для юношеской витальности.

Юность наименее «разрушительна» в том случае, если ее энергия, «обуздываемая» одаренностью и хорошим воспитанием, направляется в сторону углубляющегося технического прогресса. В этом случае у подростка увеличивается возможность идентификации со все большим количеством новых компетенций, он становится восприимчив к скрытой идеологичности.

Если это качество отсутствует, то мы можем столкнуться с сильной «заидеологизированностью», под которой мы подразумеваем поиски некоей инспирированной унификации традиций, технических приемов, идей и идеалов. И в самом деле, именно такая унификация создает общественный идеологический потенциал, доступный для подростка, который в силу своей страстности утверждается сверстниками, поддерживается учителями и вдохновляется примерами из жизни «замечательных людей».

С другой стороны, если молодой человек наталкивается на сильное сопротивление тем формам самовыражения, которые способствуют его развитию как личности, он начинает защищаться с неистовой животной яростью, как если бы разговор шел о его жизни. Поскольку и в самом деле – в «социальных джунглях» человеческого общества невозможно сохранить ощущение жизни без развитого чувства идентичности.

Отчуждение, возникающее на этой стадии, проявляется в форме «смущения идентичности», – как сказано в «Смерти коммивояжера» Артура Миллера: «Мне не за что ухватиться, мама, мне не за что ухватиться в этой жизни».

В тех случаях, когда такой настрой оказывается следствием предыдущих сильных сомнений в своей этнической или сексуальной идентичности или же он «присоединяется» к состоянию общей безнадежности, не обязательно даже наличие у человека острых или «пограничных» психотических состояний. По этой самой причине молодежь, поставленная в тупик невозможностью принять те социальные роли, которые навязываются им стандартами американского образа жизни, начинает тем или иным способом отказываться от общепринятой морали, бросая школу и работу, ночуя неизвестно где и ведя совершенно «непотребный» образ жизни.

В основном, все трудности связаны с неспособностью остановиться на каком-либо профессиональном выборе, что и причиняет массу хлопот. Чтобы справиться с ощущением полной потери индивидуальности, молодежь объединяется в группы, в которых происходит временная гиперидентификация, как правило, с «народными» главарями и героями. Тем не менее, на этой стадии развития влюбленность все же не исчерпывается одной лишь сексуальной заинтересованностью. Юношеская любовь в значительной степени является попыткой определения границ собственной идентичности с помощью проектирования своего смутного самоощущения на другого человека и «узнавания» себя в отраженном и, одновременно, проясняющем свете. Вот почему юношеское чувство так пристрастно к диалогам.

С другой стороны, подобное «узнавание» может быть скрыто за видимой деструктивностью. Молодые люди становятся крайне нетерпимыми и жестокими по отношению к тем, кто хоть как-то от них отличается по цвету кожи, образованию, вкусам, одаренности или даже по мелким деталям одежды и жестике, что рассматривается как знак тайной принадлежности (или не принадлежности) к данной группе.

Важно понять (что, конечно, не означает однозначного примирения с любыми «выходками»), что такая нетерпимость может до некоторой степени служить защитой против

потери чувства идентичности. К сожалению, все мы проходим через это, когда физиологические изменения затрагивают весь организм, когда половое созревание «бередит» нашу кровь и наше воображение, когда мы впервые испытываем физическую близость и когда грядущее встает перед нами во всей своей конфликтности и конфронтации. Подростки не только помогают друг другу пережить весь этот душевный дискомфорт, создавая свои группировки и свои стереотипы, они настойчиво испытывают себя на лояльность в условиях неизбежной борьбы различных культурных ценностей.

Готовность к таким испытаниям помогает объяснить феномен столь огромной популярности в рядах молодежи простых и жестоких тоталитарных истин – особенно в тех странах и в тех классах, где люди уже потеряли (или теряют) свою групповую принадлежность (феодалы, племенные, аграрные, национальные группы).

* * *

Мне хотелось бы отметить, что существует еще одна форма проявления инфантильных и юношеских «пережитков», состоящая в слиянии большого числа индивидуальных кризисов и доведении их до масштабов коллективной истерии. Если вдохновители такой истерии, кроме всего прочего, еще и красноречивы, то мы получаем уникальную возможность изучать их собственный «творческий» кризис, а также латентный кризис их сторонников, не только на основе своих предположений, но и на материале изучения их выступлений.

Более неуловимы те групповые сдвиги, которые лишены явного лидера. Во всяком случае, нет никакого смысла в постановке всякого рода клинических диагнозов при столкновении с иррациональностью «масс». Мне представляется совершенно невозможным клинически диагностировать истерию у молодого монашка, содрогающегося в конвульсиях, или классифицировать садизм молодого наци, командующего массовым парадом или (с таким же успехом) массовым расстрелом. Поэтому мы можем лишь указать на определенное сходство индивидуального кризиса и группового поведения и свидетельствовать, что оба феномена как-то связаны друг с другом.

Кризис интимности. Готовность к отрицанию и изоляции. любовный поединок

Самое первое, о чем следует здесь упомянуть, – это о кризисе интимности. Этот кризис возможен только при условии «правильно» сформированной идентичности, так как настоящая интимность обуславливается контрапунктным слиянием двух сложившихся личностей. Физическая близость при этом составляет только небольшую часть того, что мы имеем в виду, поскольку совершенно очевидно: сексуальные отношения лишь предвосхищают появление истинной и взаимной психосоциальной интимности с другим человеком вне зависимости от того, кем он вам приходится: другом, любовником или просто единомышленником. Молодые люди, не уверенные в себе, избегают любой межличностной интимности или же бросаются сломя голову в водоворот случайных связей, не имеющих ничего общего с реальным взаимопроникновением и самоотречением.

В тех случаях, когда человеку, находящемуся на пороге зрелости, так и не удастся установить близких отношений с кем-нибудь из окружающих, опираясь исключительно на свои собственные силы, может сформироваться в высшей степени стереотипное глубокое чувство изоляции. Если данная культура благосклонно относится к таким безликим межличностным образцам поведения, человек может очень даже преуспеть в жизни, но при этом он будет глубоко переживать все перипетии своего «трудного» характера, вдвойне болезненные из-за невозможности почувствовать себя «самим собой», несмотря на уверения в обратном.

Двойником интимности является сдержанность: готовность к отрицанию, изоляции и, при необходимости, к уничтожению тех лиц (и обстоятельств), которые могут таить опасность. Следовательно, непременным следствием потребности к сдержанности явится яростное желание защищать свою «интимную» территорию от всяческих «аутсайдеров», отличающееся безумным фанатизмом и «раздуванием» мельчайших различий между «своими» и «чужими».

Такие предрассудки могут играть на руку различным политикам, гарантирующим молодежи возможность самопожертвования и убийства по праву «сильнейших». Отголоски подобной юношеской опасности можно обнаружить в том случае, если отношения интимности, соперничества и воинственности связаны с одним и тем же человеком. Но с течением времени происходит все большая дифференциация чувства ответственности, чувства соревнования, эротического чувства и – его противоположности – чувства активного неприятия, которые в итоге становятся предметом нравственного чувства. Возникновением нравственного чувства, в корне отличного от идеологической убежденности юности и от излишнего морализма детства, знаменуется начало «взрослого» периода жизни.

* * *

Фрейд однажды спросили, как следует жить «нормальному» человеку. Видимо, от Фрейда ждали сложного и «глубокого» ответа, но он ответил весьма просто: «Lieben und arbeiten» («любить и работать»). В этом «простом» ответе скрыто очень многое; чем больше над ним задумываешься, тем, действительно, более глубокий смысл открывается. Потому что, когда Фрейд говорит «любовь», он имеет в виду как истинную интимность, так и гениальную физическую близость, когда он объединяет любовь с работой, он подразумевает глобальную творческую продуктивность, которая тем не менее не вытесняет изначальную человеческую способность любить и быть любимым.

Психоанализ выделяет «генитальность» как одно из условий достижения зрелости. «Генитальность», в частности, подразумевает способность к переживанию оргазма, что, конечно, представляет собой нечто большее, чем простое высвобождение сексуальной энергии в смысле кинсевого «выхлопа», сочетая полное мышечное расслабление с созреванием истинной интимной взаимности и «генитальной» чувствительности.

Мне кажется, что в таких терминах процесс, сущность которого мы до сих пор не понимаем, описывается вполне адекватно. Исследование «климактерической взаимности» во время оргазма представило нам множество превосходных примеров взаимной регуляции в сложнейших паттернах сексуального поведения, и это убедило нас в возможности принципиального преодоления «взвинченности» и враждебности, которые вызваны ежесекундным противостоянием мужчины и женщины, реальности и фантазии, любви и ненависти, игры и работы. Победа над своими негативными переживаниями делает сексуальность менее разрушительной, а садистический контроль своего партнера – просто ненужным.

До достижения «генитальной» зрелости сексуальная жизнь сводится к своего рода поискам самого себя в условиях «идентификационного голода»; каждый из партнеров думает только о себе; половой акт напоминает такую «генитальную» схватку, в которой любовники бешено атакуют друг друга. Все это частично имеет место и во «взрослой» сексуальной жизни, но с течением времени эгоистические черты «растворяются» в дифференциации противоположных полов, приводя к полной поляризации в рамках совместного образа жизни. К счастью, ранние формы витальной устойчивости снабдили мужчину и женщину – двух полярных представителей рода человеческого – общим сознанием, языком, этическими нормами, и именно эта общность позволяет им так «разойтись» в последующем развитии.

Человек, в придачу к своей эротической привлекательности, в поисках новой идентичности научился «избирательности» в любви. Изоляция, типичнейшее отчуждение данной стадии, свидетельствует о неспособности переживания индивидом истинной интимности, причем дефицит ее часто усиливается страхом прекращения сексуальных отношений по причине беременности и родов. Любовь, как взаимная преданность, тем не менее, преодолевает всю антагонистическую заданность сексуальной и функциональной поляризации, и именно она становится синонимом витальной устойчивости данного периода. Любовь стоит на страже той едва уловимой, и все же всепроникающей силы культурного и личного примера, который связывает соперничество и сотрудничество, воспроизводство и зачатие в единое понятие образа жизни.

Если мы продолжим нашу сложившуюся традицию давать определения различным стадиям развития «через» афористическое определение характеристик отдельного индивида, то здесь нам придется отступить от этого правила и выразить новую идентификацию данного периода следующим образом: «Мы – это то, что мы любим».

Эволюция наделила человека способностью обучать и обучаться, поскольку зависимость и зрелость взаимно-обусловлены: зрелому человеку необходимо чувствовать, что он кому-то нужен, зрелость нужна не сама по себе, а поскольку она «заботится» о ком-то. «Воспроизводство» направлено на формирование нового поколения.

Конечно, встречаются случаи, когда вследствие тяжелой болезни или по каким-либо другим причинам, людям приходится отказаться от мысли иметь детей, но тогда они реализуют свои родительские чувства иным – творческим или альтруистическим образом. В самом деле, идея воспроизведения себе подобных включает в себя продуктивное и творческое начало, отсутствие которых указывает на наличие кризисного состояния.

Способность к самоотдаче в любовном поединке на деле ведет к развитию эго-интересов и к смещению либидо в направлении созидания нового человека. Там, где этого по той или иной причине не происходит, развивается навязчивое регрессивное стремление к псевдоинтимности, сопровождаемое чувством инертности, стагнации, скуки и убожества. Часто

люди начинают культивировать эти чувства, убеждая себя в том, будто они сами виноваты во всех своих несчастьях, особенно же заметно это в случаях детской инвалидности, являющейся неиссякаемым источником «самокопания».

С другой стороны, наличие детей или желание их иметь вовсе не гарантирует истинного «воспроизводства». Многие молодые родители страдают от собственного бессилия в вопросах воспитания. Причина этого, как правило, кроется в их ранних детских переживаниях, в «неверной» идентификации с родителями, в исключительной самовлюбленности, базирующейся на излишне энергичном самовоспитании, в недостатке веры, которая так нужна ребенку для того, чтобы пробудить в нем доверие. Следовательно, природа «воспроизводства» человеческого потомства такова, что все скрытые патологические отчуждения детства и юности родителей передаются детям, порой даже в «усиленном» варианте в случае «воспитательного» поражения.

* * *

Только в пределах личностного «взросления», полного заботы о чем-то и о ком-то и адаптирующегося ко всем «взлетам и падениям» своего существования, постепенно «зреет» итог всех предыдущих стадий развития – наступает стадия целостности. Избегая более четкого определения, я, тем не менее, укажу на некоторые атрибуты этого периода. Во-первых, это все возрастающая уверенность в своем соответствии некоей «мировой гармонии», которая и проявляется в ощущении эмоциональной целостности, хранящей верность всем юношеским испытаниям и готовой не только к лидерству, но и к самоотречению. Это безусловное «принятие» жизненного опыта и мнения людей, представляющих исключительную важность в решении многих вопросов, «принятие» безо всяких оговорок. Таким образом, это означает возникновение новых, совершенно отличных от прежних, отношений с родителями, свободных от желания хотя бы в чем-нибудь изменить друг друга; это знаменует признание за каждым человеком права нести персональную ответственность за свои поступки. Это новое чувство причастности к людям самых отдаленных времен и самых различных занятий, которые на протяжении многих веков вырабатывали нормы сохранения любви и человеческого достоинства.

Объективно признавая равноценность всевозможных жизненных идеалов, человек, обладающий целостностью характера, всегда готов бороться за свое право на существование против любой – экономической или физической – угрозы. Это происходит потому, что каждая личность определяется уникальным совпадением во времени индивидуального жизненного цикла и определенной исторической эпохи; поэтому для данной личности целостность всего человечества начинается и кончается с его конкретных установок.

Клинические и антропологические наблюдения однозначно свидетельствуют о том, что в случае недостатка или отсутствия целостности развиваются чувства отвращения и отчаяния; ни судьба, ни смерть в данной ситуации не воспринимаются как естественные ограничители жизни. Отчаяние порождается порочным чувством невозможности «начать жизнь сначала» в поисках какой-то новой целостности, в то время как до самой смерти человек может, так или иначе, изменять самого себя. Отчаяние такого рода часто прячется за маской отвращения, мизантропии, хронического неудовольствия и презрения по отношению к определенным людям или взглядам – словом, того, что при отсутствии какой-либо позитивной и конструктивной альтернативы свидетельствует лишь о презрении и отвращении к себе.

Физической дряхлости предшествует пожилой возраст, способный придать целостности человеческого характера тот заключительный опыт, который позволяет по-новому охватить взглядом всю перспективу жизненного цикла. Устойчивость здесь принимает форму

несколько отрешенного и все же активного взаимодействия с жизнью, граничащей со смертью. Именно такая устойчивость и зовется мудростью, сочетающей изначальную человеческую «разумность» с накопленными знаниями, зрелыми суждениями и способностью к пониманию.

Не каждому дано узнать истинную мудрость. Большинство довольствуется существующей традицией. Но к концу данного периода (и в конечном счете, жизни) человек должен сказать последнее слово, решить последнюю – предельную – задачу, а для этого ему необходимо «выйти» за пределы своей идентичности, «превзойти» свою «единственную» трагическую или трагикомическую судьбу и «влиться» в череду поколений.

Все величайшие философские и религиозные системы, имеющие дело с предельными человеческими состояниями, тем не менее всегда соотносятся с культурой и цивилизацией. В поисках трансцендентности, «умалаясь» и отрекаясь, человечество тем не менее остается «в миру». Следует добавить, что степень развития общества определяется тем содержанием, какое вкладывается им в понятие жизненного цикла, поскольку именно это содержание (или его отсутствие) должно быть заложено при воспитании последующего поколения и, следовательно, должно помочь его представителям ясно и твердо встретить свои «предельные» ситуации.

Дополнение к первой части Юность: верность и многообразие³

Предметом настоящего доклада является одна весьма характерная черта юношеского возраста, которую я называю чувством Верности или способностью к Верности. Черта эта, с моей точки зрения, – не просто моральное качество, достигаемое индивидуальным усилием. Скорее, я склонен рассматривать ее как часть общих качеств человека, выработанных всей социогенетической эволюцией. Впрочем, данный тезис рассмотреть здесь целиком не представляется возможным, как и затронуть тот весьма вероятный факт, что в процессе индивидуального развития Верность не может оформляться слишком рано и не должна утрачивать своего значения ведущей силы во время кризисов юности, если, конечно, ничто не мешает адаптации человека к внешним условиям.

Продолжая перечень ограничений, замечу, что в рамках доклада невозможно также проанализировать другие стадии человеческой жизни и рассмотреть специфические силы и слабости, присущие каждому возрасту и связанные с условиями адаптации человека в мире. Мы можем лишь бросить беглый взгляд на ту стадию жизни человека, которая предшествует юности, а именно, на школьный возраст, а затем сразу обратиться к анализу юности. Я сожалею об этих объективных ограничениях, поскольку точно так же, как самого себя можно понять только со стороны, так и смысл одного этапа человеческой жизни можно понять только тогда, когда он изучается в контексте всех других этапов.

В школьный возраст, лежащий между детством и юностью, ребенок, доминантой которого до этого была игра, вступает полным готовности и желанием, а также могущим обогатить себя теми рудиментарными навыками, которые создают необходимое условие для того, чтобы затем он успешно осваивал инструменты, символы и концепции культуры. Также школьный возраст застает ребенка стремящимся к реализации действенных ролей, ранее реализовавшихся через игру, дающих ему понимание возможностей технологической специализации в данной культуре. Поэтому можно было бы сказать, что Умелость – это специфическая особенность школьного возраста. Однако эта Умелость лишь фиксирует детский опыт в его высших достижениях; сам же этот опыт складывается не только в школьном возрасте, но формируется в раннем детстве в результате медленных, шаг за шагом, приобретений. И точно так же, как возраст игры завещает всем методическим действиям школьного периода качество грандиозной иллюзии, школьный возраст покидает человека, оставляя ему наивное восприятие того, «что действует».

Когда ребенок школьного возраста делает методы своими, он пытается воспринимать их как нечто самостоятельное, хотя и действующее с его помощью. Считать хорошими и воспринимать только те вещи, которые действуют, постоянно заниматься чем-то – это, вероятно, становится основным удовольствием и ценностью в этом возрасте. А поскольку технологическая специализация является одной из основных черт любой человеческой групповой, племенной, культурной системы, а также важнейшим элементом образа мира, гордость человека от освоения орудий, которые работают с природными материалами и животными, переходит на оружие, действующее уже как против других людей, так и против других существ вообще. Это может пробудить в человеке чувство холодной привлекательности оружия, а равным образом и безмерную жестокость, редко встречающуюся в животном мире, что, конечно, всегда является результатом комбинации различных обстоятельств. Среди этих обстоятельств наиболее любопытна (поскольку выходит на передний план именно в период

³ Доклад на семинаре в Теминенте в мае 1961 года. Перевод М. Хорькова по изданию: *Erik H. Erikson. Youth: Fidelity and Divergence // The Challenge of Youth*, ed. By Erik H. Erikson. Garden City, New York, Anchor Books, 1965. P. 1—28.

юности) потребность человека соединять свою технологическую гордость с чувством идентичности: это двойное чувство личной самоидентичности, постепенно вырастающей из детского опыта, и тождественности с другими, испытываемой при контактах с обществом.

Данная потребность также является необходимой с точки зрения эволюции человека, потребность, которую следует понять и оказывать на нее влияние при помощи планирования. Это потребность людей не быть исключительно частью природы или просто частью человечества, но чувствовать, что они принадлежат к чему-то особому (племени или нации, классу или касте, семье, профессиональному сообществу и т. д.), чьи эмблемы они охотно носят, носят с чувством гордости и убежденности, и чьи интересы они защищают (подчас с ущербом для себя) от всего чужого, враждебного, «не такого, как они». Таким образом, люди приходят к такому состоянию, когда могут использовать все свои высокоразвитые умения и навыки против других людей с систематичностью и эффективностью, гораздо более высокой, чем это возможно в состоянии предельной рациональности и цивилизованности, и делают они это с убеждением, что у них просто нет морального права вести себя как-то иначе.

* * *

Однако наша цель – не просто отметить извращенность и ущербность человеческой морали, но указать на те подлинные добродетели, которые – на юношеской стадии психологической эволюции – требуют к себе самого пристального нашего внимания и этической поддержки, ибо как антиморалисты, так и моралисты равно легко упускают из виду то, что в самой человеческой природе служит надежной опорой любой этике. Как уже отмечено, Верность и является именно такой добродетелью и качеством юношеской эго-силы; она относится к наследству, доставшемуся человеку в результате эволюции, но, как и все основные добродетели, Верность может возникать только во взаимной игре жизненной стадии с индивидуумами и социальными силами, принадлежащими к истинному сообществу.

Очевидно, здесь было бы уместно сказать о том, в каком смысле мы употребляем слово «добродетель». Это слово имеет в языке то значение некоторой внутренней силы и активного качества, которым обладает какая-либо вещь и благодаря которой ее можно описать. Например, о лекарстве или напитке, когда они утрачивают свои качества, говорят, что они «без добродетели». В этом смысле, думается мне, для обозначения некоторых качеств, движущих человеком в те или иные периоды его жизни, вполне можно использовать термин «основные добродетели», из которых первой и самой основной является Надежда. Однако употребление этого термина для концептуализации некоего качества, возникающего во взаимной игре индивидуального развития и социальной структуры, требует от сознания опасаться «натуралистических» ошибок и крайностей. Все, что я могу сказать со своей стороны, так это то, что никакие концепции внешней среды (такие, как Umwelt⁴ этологов) не указывают на оптимальные, наиболее благоприятные, отношения между непроявленными возможностями и структурой внешней среды. Это не означает, однако, что следует отрицать все специальные проблемы, связанные с тем фактом, что сам человек творит свою окружающую среду, сам живет в ней и сам же судит свое поведение.

Тот очевидный факт, что молодой человек живет в поисках чего-либо или кого-либо, чему бы он мог стать преданным, просматривается в огромном разнообразии его действий, направленных на это и более или менее санкционированных обществом. Такое поведение часто кроется в странном сочетании неловкой преданности и неожиданных проявле-

⁴ Окружающая среда (нем.).

ний упрямства, иногда молодой человек скорее преданно упрям, в других случаях – скорее упрямо предан.

Тем не менее во всей кажущейся юношеской неловкости можно заметить некое стремление к постоянству в меняющихся условиях окружающей среды; оно проявляется в аккуратности применения научного или технического метода, в искренности убеждений, в доверчивости к историческим и художественным повествованиям, в стремлении строго соблюдать правила игры, в повышенной требовательности к подлинности художественной продукции (или к высокому качеству копии) и к благородству людей, в надежности даваемых обязательств.

Это стремление правильно оценить нелегко; часто оно лишь в очень слабой степени связано с самой индивидуальностью молодого человека, потому что юноша, всегда готовый ухватить и многообразие в едином принципе, и принцип в многообразии, перед тем, как остановится на чем-то одном, должен перепробовать крайности. Эти крайности, особенно в периоды идеологической нестабильности и широко распространенной маргинальности идентичности, могут включать не просто элементы протеста, но и негативные, преступные, разрушающие личность тенденции. Однако все это может проявляться и в виде моратория, некоего периода задержки, в который происходит проверка глубинных основ какой-либо истины перед тем, как вверить свои телесные и душевные силы какому-либо сегменту существующего (или грядущего) порядка.

«Лояльный» (верный) и «легальный» имеют один и тот же корень, и лингвистический, и психологический; ибо легальность, соблюдение законов, без опоры на чувство суверенного выбора и без опыта верности (лояльности) будет просто тяжким бременем. Развитие этого чувства – совместная задача последовательно развивающейся истории жизни каждого человека и этической возможности исторического процесса в целом.

* * *

Предоставим возможность великой трагедии поведать о природе кризиса, который переживает человек в рассматриваемом нами случае. Хотя это и кризис принца, но давайте не будем забывать о том, что «правлящие династии», и легендарные, и исторические, олицетворяют собой одновременно и величие, и трагедию человека. Итак, перед нами принц Гамлет. Ему около двадцати лет; одни полагают, что чуть больше двадцати, другие – что чуть меньше. Мы будем считать, что ему за двадцать, он юноша, но не слишком молод, и ему уже пора расставаться со своим мораторием. Мы застаем его в период трагического конфликта, в котором он не в состоянии сделать ни одного шага, требуемого его возрастом, полом, образованием, исторической ответственностью.

Если мы хотим сделать интуицию Шекспира, проникнувшего в «возрасты человека», совершенно ясной, нам следует знать, что такого рода усилия кажутся предосудительными исследователям драмы. Они не любят, когда их предмета касается психолог. Это понятно, потому что всякий норовит интерпретировать Шекспира в свете какой-нибудь популярной, и оттого наивной, психологии (а как бы он смог сделать это по-другому?). Я же со своей стороны даже не буду пытаться отгадать загадку непостижимой природы Гамлета, потому, что непостижимость и является его природой. Мне достаточно предупреждения самого Шекспира, представившего в лице Полония карикатурный портрет этакого горе-психиатра:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.